

И. А. Ильин

Духовный смысл войны

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
И46

И46 **Ильин И.А.**
Духовный смысл войны / И. А. Ильин – М.: Книга по Требованию, 2014. –
48 с.

ISBN 978-5-458-54679-9

ISBN 978-5-458-54679-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

1.

Теперь уже нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что русскiй народъ испыталъ и испытываетъ настоящую войну, какъ *призывъ*, — какъ призывъ, отвѣтитъ на который составляетъ для него не только правовую обязанность, или моральный долгъ, но живую духовную потребность. Мы словно проснулись и опомнились, поняли, что падъ нами стряслось, и почувствовали, какъ вновь загорѣлось въ душѣ древнее *чувство родины*. И вотъ мы сами, охотно, доброю волею, дѣлаемъ то, что нужно для побѣды; мы не нуждаемся въ чужомъ понужденiи и сами не заставляемъ себя служить не-любимому, постылому дѣлу; мы ждемъ лишь указанiй: что нужно сдѣлать; а сила духовнаго подъема даетъ намъ желанiе и энергiю.

Что же это за призывъ и откуда онъ? Что зоветъ насъ? Что заставило насъ возстать и доброю волею принять на себя бремя великой и напряженной народной войны?

Съ дѣтства привыкаемъ мы жить, сосредоточиваясь на непосредственныхъ и «ближайшихъ» интересахъ небольшого круга людей, будь то семья отца и матери или семья, основанная нами. Мы незамѣтно, но прочно свыкаемся со всевозможными перегородками и раздѣленiями, обособляясь и отъеди-

няясь во всѣ стороны, норѣдко съ тѣмъ большею настойчивостью, съ тѣмъ бѣльшимъ увлеченіемъ, чѣмъ меньше имѣется для этого объективныхъ и существенныхъ основаній. Душа наша обрастаетъ цѣлымъ множествомъ узаконенныхъ ледяныхъ покрововъ, избавляющихъ насъ отъ необходимости «отвѣчать» на призывъ, если онъ «чужой», и отзываться на бѣду, если она не «наша». Мы живемъ, не замѣчая, что это кольцо «нашего» постоянно тяготѣетъ къ уменьшенію и суженію, и что cadaго изъ насъ влечетъ центростремительная сила самосохраненія. Величайшее нравственное и духовное разъединеніе царитъ въ современномъ обществѣ. У всякаго *своя*, особая цѣль въ жизни, *свой* интересъ, отдѣльный отъ другихъ; ибо кто же еще, кромѣ меня, полагасть своею главною жизненною цѣлью *мое* личное устреніе и благополучіе? Если я самъ не буду заботиться о себѣ всѣми силами души, то кто же позаботится *такъ* обо мнѣ? Никто, конечно; а если бы нашелся такой человекъ, то развѣ не опуталъ бы онъ тотчасъ же мою жизнь требованіями отвѣтнаго вниманія, имѣющаго вознаградить его за его старанія? Кто изъ насъ умѣетъ любить «не для себя»? Чья любовь не подавляетъ любимаго своею требовательностью?

Наши души разъединены именно потому, что каждая занята *своей* заботой, *своею* судьбою, *своимъ* устреніемъ; и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, *своекорыстіе* семьи и *своекорыстіе* индивидуума суть явленія одного порядка. А между тѣмъ, при такомъ положеніи дѣль, цѣли другихъ въ общемъ *подобны* моей, но *не совпадаютъ* съ ней: каждый — за себя и о себѣ; каждый «понимаетъ» (въ лучшемъ случаѣ) себя и «не понимаетъ» другихъ;

и наши повседневныя бесѣды и обычные споры, въ которыхъ каждый слушаетъ только себя и глухъ для мысли другого, выражаютъ именно эту глубокую разъединенность душъ. Каждый ищетъ *своего* и живетъ насторожившись, недоувѣряя другимъ, часто безсильный передъ «потемками» чужой души. Каждый щедръ для себя и «не имѣетъ» для другихъ; и кажется иногда, что скоро доброта сердца истаетъ въ людяхъ безъ остатка.

Какъ это привычно, какъ элементарно и общеизвѣстно; и въ то же время какъ тяжело!.. И такъ привыкаемъ мы къ этому, что нерѣдко искренно удивляемся самой возможности говорить о другомъ и видимъ въ этомъ проявленіе наивности, или безтактнаго чудачества. Пусть безпокойные и неудобные мечтатели, подобные Льву Толстому, говорятъ объ иномъ, обнаруживая свою явную неприспособленность къ «практической жизни» и побуждая «легковѣрную молодежь» относиться серьезно къ этому «безпочвенному идеализму»; «большинство» будетъ попрежнему ставить всѣ вопросы жизни на «единственно-реальную» почву личнаго интереса и «трудно» будетъ тѣмъ, которымъ не удастся примириться съ этимъ «неизбѣжнымъ» «минимумомъ» житейской черствости.

И даже «сочувствіе» и «солидарность», объединяющія насъ на моментъ или на срокъ, слишкомъ часто лишены истиннаго и глубокаго значенія: временныя параллели въ личныхъ судьбахъ и путяхъ у двухъ своскорыстныхъ людей не могутъ взрастить сѣмени добра.

И вотъ война вторглась неожиданно въ нашу жизнь и заставила насъ горѣть не о себѣ и работать

не для себя. Она создала возможность взаимнаго пониманія и довѣрія, она вызвала насъ на щедрость и пробудила въ насъ даже доброту.

Война насильственно вдвинула въ наши души одинъ *общій* предметъ; она противопоставила нашему мелкому повседневному «здѣсь» — нѣкое великое «тамъ» и потрясла насъ этимъ «тамъ» до корня. То, что было «здѣсь» не исчезло послѣ начала войны, но на ряду съ нимъ выдвинулось что-то *новое* и, можетъ-быть, даже заслонило повседневность. Каждая душа услышала зовъ и отъ каждой протянулась куда-то нить, напряглась и задрожала и связала душу съ другими въ одномъ, сразу, далекомъ и близкомъ «тамъ». Всѣ нити встрѣтились въ этомъ общемъ пунктѣ и скрѣпили народъ въ единство. Все, что «оттуда» стало важнымъ; ибо то, что «тамъ», оказалось роднымъ и дорогимъ и существеннымъ, и притомъ какъ бы при смерти больнымъ. Оно тоже для каждого «мое», но по особому «мое»: такое «мое», что *не только мое*, но и мое и чужое. Оно — *наше*; оно — общее. Это пунктъ, гдѣ радость не одинока и гдѣ горе раздѣлено, ибо тому, чему я радуюсь, радуются и другіе; и то, что тяготитъ меня, угнетаетъ и другнхъ. Оказалось, что всѣ имѣютъ общій предметъ любви и заботы. Оказалось, что есть пунктъ, въ которомъ моя любовь, мое волненіе, моя боль, мое усиліе, горятъ о томъ же, о чемъ горятъ другіе люди, *чужіе* мнѣ. Но, если такъ, то они мнѣ уже не чужіе... И вотъ таетъ чуждость и смягчается изолированность людей. Въ минуты подъема и волненія теряетъ даже смыслъ дѣленія на «знакомыхъ» и «незнакомыхъ»: люди, первые видящіе другъ друга, уже соединены гдѣ-то, въ самомъ важномъ. У нихъ уже есть знаніе другъ о

другъ: я знаю, гдѣ у другого, «чужого» мнѣ, человека, — боль и радость; на что онъ надѣется и что его беспокоитъ. И это знаніе есть взаимное приближеніе; оно сближаетъ людей и сокращаетъ разстояніе между ними: все легче становится найти откликъ, сочувствіе и совпаденіе; все легче встрѣтиться и вмѣстѣ загорѣться и согрѣться у одного огня. Возникаетъ взаимное пониманіе; слагается увѣренность другъ въ другъ; создается довѣріе другъ къ другу. А довѣріе есть ключъ ко всѣмъ замкамъ души, скрывающимъ ея входы. Является область, гдѣ не нужны эти замки, гдѣ можно раскрыться, гдѣ нѣтъ уже основаній къ отъединенію. Мы говоримъ другъ съ другомъ о войнѣ и не чувствуемъ ложнаго стыда — любить наше общее, вмѣстѣ радоваться его подъему и его высотѣ, вмѣстѣ скорбятъ объ его несовершенствахъ и неудачахъ.

Эта открытость душъ и ихъ совмѣстное горѣніе смягчаетъ сердца; а смягченныя сердца уже стоятъ на пути къ восстановленію отмершей доброты. Люди чувствуютъ себя какъ бы вѣтвями и листьями единого дерева; ихъ корни гдѣ-то сплелись; ихъ души тянутся къ одной и той же, единой цѣли. Гдѣ-то тамъ — мы *одно*. Тамъ *наше* дѣло, *наша* бѣда, *наша* опасность, *наше* страданіе, *наша* побѣда, *наше* возстаніе, *наше* возрожденіе. И это сознаніе, что «тамъ» «мы одно», научаетъ людей радоваться тому, что у нихъ *единое* солнце, *единый* воздухъ, *единая* родина. Тамъ я не отдѣлимъ отъ другихъ, отъ тѣхъ, кто огнемъ *любви* своей говоритъ: «я русскій». Тамъ нѣтъ этого разъединяющаго настроенія «я, а не другіе». Тамъ — мы; мы — русскій народъ. И для всѣхъ насъ сообща — тамъ рѣшается одинъ вопросъ: о на-

шемъ общемъ дѣлѣ, о нашемъ общемъ духовномъ достояніи.

Что же это такое, это «тамъ»? И къ чему зоветъ оно насъ? И о какомъ нашемъ общемъ достояніи рѣшается здѣсь вопросъ?

Раскрыть это — значитъ установить *духовный смыслъ войны*.

II.

Бываютъ въ жизни народовъ періоды и времена, когда вся жизнь, — интересъ, воля, воображеніе, мысль и дѣйствіе, — сосредоточивается вокругъ единаго пункта. Передъ важностью его отходить на второй планъ все остальное; ибо *его* значительность, интенсивность и трагичность поглощаетъ чуть ли не всѣ остальные жизненные цѣли и стремленія.

Какъ во время смертельной болѣзни нѣжно любимаго человѣка, душа испытываетъ въ такіе періоды какой-то незабываемый гнетъ. Что бы ни дѣлалъ человѣкъ, чѣмъ бы онъ ни занимался, ко всему присоединяется тревожный гнетущій вопросъ: «а что тамъ?» Вся жизнь окрашивается въ отношеніе къ этому пункту. Все мѣняется и сдвигается съ его появленіемъ. Какъ во время землетрясенія, люди чувствуютъ, что колеблются какія-то стихійныя основы жизни; что удержать или прекратить эти колебанія не въ ихъ власти; что въ жизнь ихъ вторглось что-то новое, неизвѣстное; что привычная перспектива жизни и даже ближайшаго будущаго покрылась невѣрной тьмою. Какъ во время урагана, люди чувствуютъ, что ихъ «между прочимъ» захватило въ огромный круговоротъ и что отнынѣ жизнь

нхъ уже не строится ими, а мнется и комкается хаосомъ событій. И неизвѣстно, куда выбросить нхъ и что сдѣлаеть съ ними ураганъ.

Эта вспыхнувшая стихія не въ землѣ и не въ воздухѣ, а *внутри людей*, въ той сферѣ, о которой прозвучали нѣкогда тихія слова: «Царство Божіе внутрь васъ есть»; въ той сферѣ, въ которой *можетъ* раскрыться и осуществиться прекраснѣйшее на землѣ, и которая теперь сдѣлалась поприщемъ тягчайшихъ рѣшеній, противорѣчій и дѣяній. Что-то перенапряглось въ душахъ людей и оборвалось. Гдѣ-то далеко, у людей, располагающихъ большой властью, исчезла возможность «говорить» и «убѣждать»; и уже нѣтъ у насъ болѣе надежды, что кто-то съ кѣмъ-то снесется, переговорить и «уговорить». Гдѣ-то оказалось чрезмѣрное упорство, не поддающееся никакимъ уговорамъ; гдѣ-то оказалось непреодолимое желаніе поставить на своемъ. И въ результатѣ этого — мы больше не *зрители*, а *участники*.

Согласенъ я или не согласенъ; готовъ или не готовъ — я *призванный участникъ дѣла*. Это *участіе* означаетъ, что насталь для меня часъ принять *лишенія*, вѣроятно, тяжелыя физическія *мученія* и, можетъ-быть, *смерть*. Это участіе означаетъ, что по внѣшнему принудительному приказу я долженъ оставить главное и любимое дѣло моей жизни, которому я обычно отдаю всѣ мои силы; оставить дорогихъ мнѣ людей, бозъ которыхъ мнѣ, можетъ-быть, трудно прожить и одинъ день — жену, дѣтей, отца и мать, друзей; оставить мое жилище, мои удобства, мои привычки и удовольствія; одѣться въ непривычную, неудобную, тяжелую одежду и начать жить по чу-

жому приказу; неудобно и мало спать, невкусно ѣсть, можетъ-быть, голодать, носить тяжелыя вещи, много ходить; переносить непогоду, рискуя здоровьемъ и жизнью; жить съ чужими и чуждыми мнѣ, нелюбимыми людьми; по приказанію стрѣлять и рубить, ранить и убивать другихъ, незнакомыхъ мнѣ людей; самому подставлятъ себя подъ чужіе удары и выстрѣлы; жить такъ недѣли и мѣсяцы, можетъ-быть, годъ; навѣрное, видѣть насиліе, кровь и смерть; вѣроятно, получить тѣлесное мучительное поврежденіе; можетъ-быть, стать калѣкою на всю жизнь; можетъ-быть, въ мученіяхъ умереть.

Да, именно смерть, возможность личной смерти, ставить передъ нами война. Ея наступленіе властно обрываетъ обезпеченность моей личной жизни, мою безопасность, мое спокойствіе за себя. Война какъ будто говоритъ мнѣ: «доселѣ ты жилъ такъ, какъ ты впрередъ жить не будешь; и, можетъ-быть, ты вообще больше не будешь жить». И въ ббльшей или меньшей степени этотъ голосъ звучитъ для всѣхъ: и для военныхъ, и для запасныхъ, и для ихъ семей, и для врачей, и для пограничнаго и не пограничнаго населенія. Помимо воли моей, безъ всякаго повода съ моей стороны, въ моей жизни состоялся какой-то переломъ, непоправимая бѣда: передо мною встало *начало конца моей жизни*.

И въ отвѣтъ на это у человѣка пробуждается инстинктивный протестъ и желаніе отклонить отъ себя эту бѣду. Угроза смерти и мученій будитъ въ душѣ *инстинктъ самосохраненія*.

Почему я долженъ обрывать мое жизненное дѣло и идти на смерть? Развѣ я отвѣтствененъ за то, что другіе не сумѣли мирно и полюбовно сговориться?

Развѣ нельзя было не воевать? И почему эта гнетущая и разрушающая мою жизнь повинность падаетъ именно на меня? Почему остаются дома столь многіе другіе?

И если нѣтъ разумнаго, удовлетворяющаго отвѣта на эти инстинктивные вопросы, то въ душѣ вспыхиваетъ бессильная досада и злоба, жажда забыться и одурманить свое сознаніе: въ народѣ разыгрывается пьяная мобилизація и погромы запасныхъ; и снова повторяется «глуховская» трагикомедія: толпа ищетъ виновнаго и, не найдя его, сбрасываетъ съ раската перваго попавшагося. Темный протестъ нуждается въ опьянѣніи и жертвѣ и въ результатѣ — вмѣсто духовнаго подъема воцаряется деморализація.

Здѣсь впервые обнаруживается, что война есть не только потрясеніе, но *духовное испытаніе* и *духовный судъ*.

«Доселѣ ты жилъ такъ, какъ ты впредь жить не будешь», — вотъ голосъ войны. Но чѣмъ же я жилъ до сихъ поръ?

Всегда, когда человѣкъ стоитъ передъ лицомъ смерти и видитъ, что будущаго нѣтъ или что онъ безсиленъ передъ нимъ, что онъ уже не строить его, — онъ обращается вспять и пересматриваетъ свой жизненный путь. И если это бываетъ даже при стремительномъ наступленіи смерти, когда прошлое проносится вихремъ въ угасающемъ сознаніи, то война вызываетъ этотъ пересмотръ съ особенной силой и отчетливостью.

Итакъ, чѣмъ я жилъ до сихъ поръ? Почему, за что я оказываюсь обреченнымъ на смерть? И, пересматривая мою жизнь, я вижу, что мнѣ *нѣтъ*

оснований умирать за что-нибудь. За мною нѣтъ никакого особеннаго преступленія, которое должно было бы привести меня по закону къ смертной казни. Я не совершилъ ничего особенно дурнаго. Да и можетъ ли быть такое дурное дѣло, чтобы человѣка, совершившаго его, слѣдовало лишить навсегда возможности исправить себя и искупить свою вину? Преступникъ, кто бы онъ ни былъ, больше всѣхъ нуждается въ долгой жизни, полной внутреннихъ, очищающихъ усилій, труда и борьбы съ собою.

И вотъ, съ одной стороны, я не повиненъ смерти за преступленіе или въ наказаніе.

Но, съ другой стороны, защищать то, чѣмъ я жилъ доселѣ, *рискуя своею жизнью*, совершенно не стѣитъ. Если я даже любилъ свое дѣло и увлекался имъ, то все же *жизнь* всегда будетъ мнѣ дороже всѣхъ дѣлъ. Лучше *какая-нибудь* жизнь, чѣмъ ея преждевременный, неожиданный, насильственный конецъ. *То дѣло, которому я посвятилъ мою жизнь, не стѣитъ того, чтобы я защищалъ его, не останавливаясь даже передъ смертельной опасностью.*

Но не заключается ли въ этомъ признаніи приговоръ моему дѣлу? Не значитъ ли это, что я жилъ тѣмъ, чѣмъ вообще жить не стѣитъ и не стоило? Въ самомъ дѣлѣ, какая же цѣна мнѣ и моему дѣлу, если я при первой угрозѣ готовъ бросить его, если я при первой опасности обращаюсь въ бѣгство? Если мое дѣло было правое и святое, то за него стѣитъ и умереть; если же его не стоить отстаивать *всеми силами*, тогда оно есть дѣло не вѣрное и не стоящее... Тогда имъ не стоило и жить; и не стоило любить его и отдавать ему всѣ свои силы.